

К вопросу о ранних контактах между самодийскими языками: заметки об истории нган. *колиин*

Кайсла Кахейнен

Helsingin yliopisto

Введение¹

Распад прасамодийской языковой общности — один из важнейших вопросов лингвистической предьстории самодийских языков, над которым работал Е. А. Хелимский (см., например, Хелимский 2000 [1989]). Следуя традиционным представлениям об истории самодийских языков, он полагал (там же: 22–23), что так называемые северосамодийские языки — нганасанский, ненецкие и энецкие — составляют историко-лингвистическое подразделение самодийских языков, развившееся из единого северосамодийского праязыка (прасеверосамодийский, или ПСС).

Историческая реальность этого подразделения ставится под сомнение, поскольку затруднительно показать яркие общие фонологические изменения и изоглоссы, отделяющие северные самодийские языки от южных (см. Salminen 2002). Современная лингвогеографическая карта самодийских языков не обязательно сохраняет древнее диалектное членение прасамодийского. Можно с достаточным основанием предполагать, что грамматические и лексические сходства между северными самодийскими языками являются результатом более поздних контактов. Таким образом, имеется альтернативный вариант истории распада самодийских языков, согласно которому именно нганасанский был первым отделившимся от прасамодийской языковой общности диалектом (Janhunen 1997: 459).

В настоящей статье мы исходим из того, что деление самодийских языков на северную и южную группу является скорее географическим, нежели историко-лингвистическим фактом, хотя проблему распада прасамодийского языка нельзя считать вполне решенной. Решение этого вопроса требует более точных данных об истории самодийских языков и формировании различных изоглосс накануне рас-

---

¹ Автор благодарит Т. Салминена, Ю. Янхунена и В. Ю. Гусева за ряд ценных комментариев по исторической фонологии самодийских языков и по другим вопросам, связанным с темой статьи.

пада прасамодийского, а также о контактах между уже разошедшимися самодийскими диалектами. Известно, что в течение XVII–XX вв. на Нижнем Енисее имели место более или менее интенсивные контакты между различными самодийскоязычными группами (Khanina & Meyerhoff 2018; Khanina, Koryakov & Shluinsky 2018; Ханина 2019), однако лингвистические следы этих контактов пока еще остаются слабо изученными. Надо отметить один пример, весьма наглядно иллюстрирующий заимствование из нганасанского в энецкий, а именно, самоназвание тундровых энцев *somatu*, которое, как показал Е. А. Хелимский (2000 [1981]: 82–84), заимствовано из нганасанского *sətaʔtu* ‘тундровый энец’ (букв. ‘имеющий шапку’), что изначально является калькой названия энецкого рода *Soeta*.

Есть основания полагать, что значительная часть лексических заимствований между нганасанским и другими северными самодийскими языками является довольно поздней, то есть относится к тому времени, когда взаимовлияние и брачно-родственные связи между соседними народностями стали более частыми. Можно было бы ожидать, что эти заимствования, подобно вышеуказанному *somatu*, отражают фонетические изменения, характерные именно для одного из нынешних самодийских языков. Что касается пласта более древних заимствований, то их язык-источник был фонетически довольно близок к прасамодийскому, вследствие чего оказывается затруднительным идентифицировать точный этимон заимствования и тем более с уверенностью различать ранние заимствования и слова, прямо входящие к прасамодийскому. Таким образом, в данной статье стоит рассмотреть отдельные слова, которые из-за наличия этимологических дублетов необходимо считать заимствованными в нганасанский из других самодийских языков (диалектов) на очень ранней стадии их самостоятельного развития. Следует также обратиться к судьбе ПС *j в нганасанском, поскольку интервокальный *j образует одну из наиболее важных изоглосс, различающих нганасанский и другие самодийские языки.

2. Материалы

В статье используются материалы из словарей самодийских языков, а также неопубликованные словарные материалы: списки энецких и нганасанских слов, собранных Е. А. Хелимским (NgSl и EnSl) и список автора данной статьи, состоящий из слов нганасанского корпуса Гамбургского университета NSLC 2.0 (Brykina и др. 2018), цитируемый как Ng20. Слова цитируются в орфографии источника, а материалы тундрового ненецкого нормализованы вслед за Салминым (Salminen 1998). Прасамодийские реконструкции из SW уточнены и дополнены с учетом более поздних соображений, особенно в отношении вокализма (Helinski 2005; Salminen 2012).

3. Прасамодийский *j – краткий исторический очерк

Для обоснования приводимых ниже лексических сравнений следует уточнить судьбу ПС *j в нганасанском. По данным сравнительно-исторических исследований этот звук происходит из следующих основных источников: унаследованный из ПУ *j, а также *δ, *l и *lk, которые совпали с *j (см. Lehtisalo 1959). В отдельных самодийских языках *j развивался по-разному, что видно из обсуждения Т. Микола (Mikola 2004) и ясно следует из реконструкций Ю. Янхунена (SW). Однако некоторые детали развития нганасанских рефлексов требуют замечаний, особенно с учетом тематики данной статьи.

3.1. Начальный и итервокальный *j

В абсолютном анлауте ПС *j во всех самодийских языках за исключением тундрового ненецкого имеет тенденцию к усилению. В селькупском, как и в камасинском и маторском, ему соответствует аффриката или мягкий взрывной согласный, ср. сельк. А 1484 *śáččä* ‘werfen, schiessen’ (<č> [t ~ dš ~ tš]) ~ км D *d’ziǰall’zm* ‘ich schiesse’ ~ мт Н97 230 *čidä* ‘schiessen’ < ПС *jācā- ‘тж’. В современных энецком и нганасанском ПС *j- часто соответствует d’- (в стандартной орфографии <ð> перед передними гласными), ср. *jācā- > нг КМЖ *дитудя* ‘выстрелить; попасть в цель’ ~ эн Т EnSl *d’edus-* ‘все расстрелить», убить наповал’, однако в нганасанском j как в начальной, так и в интервокальной позиции свободно варьируется с d’, лишь с незначительными различиями по диалектам (Helinski 1997b: 481). Варьирование <j> ~ <d’> обнаруживается уже в энецких и нганасанских материалах XVIII–XIX вв.: у Кастрена (Castrén 1855) фигурирует только <j>, но в более ранних записях Миллера XVIII в. встречается и <d’> (ср. Гусев 2020: 12). Только в тундровом ненецком, как сказано выше, прасамодийский начальный *j неизменно сохраняется, и ПС *jācā- дает ненТ Т65 *яда(сь)* (*yada*) ‘застрелить’.

Между гласными ПС *j хорошо сохраняется в ненецких и селькупском языках, на основе которых его можно реконструировать довольно достоверно: например, ПС *ājā ‘Fleisch, Körper’ > нен Т Т65 *ная* (*ηaya*) ‘кожа (человека); тело’, сельк. А162 *uācā* ‘Fleisch’; ПС *sājā ‘Hertz’ > нен Т Т65 *сей* (*syey*) ‘сердце; середина’; сельк. А2555 *śicā* ‘Herz’.

О нганасанских рефлексах интервокального *j Микола (Mikola 2004: 80) пишет: «Die Glide-Konsonanten wurden – ähnlich wie im Enzischen – nicht nur im Wortanlaut, sondern auch im Wortinneren stärker: *w > b, *j > d’». В качестве доказательства там же приводится нг (КМЖ) *ходea* ‘кривой’ < ПС *pājā ‘schief’ (нганасанское слово является адъективным дериватом с суффиксом -a, о котором см. ниже). Однако именно это слово оказывается исключением из общего правила фонетического развития ПС *VjV > нг VV, а именно исчезновения интервокального *j в нганасан-

ском и последующего образования новых последовательностей гласных в дополнение к тем, которые происходят из прасамодийского. Доказательством исчезновения ПС интервокального *j служит целый ряд лексем с развитием *j > Ø в нганасанском, всего 14 от 15 слов в SW, имеющих соответствующие примеры в нганасанском, в частности:

ПС *kâjâ ‘Sonne’ > нг КМЖ *коу* ‘солнце, солнечный’ ~ нен Т Т65 (дрв.) *хаер*” (*хауер^оq*) ‘солнце’ ~ сельк А 2054 *қиџџэ* ‘Hitze’;

ПС *sejâ- ‘versinken’ > нг КМЖ *сыџџэ* (*сыџ-*; prf.3sg *сыы^џџэ*) ‘утонуть’ ~ нен Т Т65 *сџџ(сџ)* (*сеуџэ*) ‘погрузиться в воду; утонуть, затонуть; скрыться из виду’;

ПС *sâjâ ‘Herz’ > нг КМЖ *сџэ* ‘сердце’ ~ нен Т Т65 *сеу* (*сеуџэ*) ‘сердце; ередина’ ~ сельк. А 2555 *сџџэ* ‘Herz’;

ПС *mâjâ ‘Erde, Gelände’ > нг КМЖ *моу* ‘земля; страна’ ~ сельк А 799 *таџџэ* ‘Wald(rucken)’.

Таким образом, утверждение Миколы (Mikola 2004: 80) о сохранении прасамодийского *j между гласными в нганасанском является ошибочным.

3.2. Ауслатный *j в словах типа *CVVj

В конце слова ПС *-j в нганасанском сохраняется, а в генитиве и аккумулятиве слов с конечным *-j, оказываясь перед эпентетическим гласным в интервокальной позиции, закономерно выпадает: нг КМЖ *бигау* : ген./акк. *бикаа* ‘река’; *туу* : *туу* ‘огонь’ и т. д. Исчезновение интервокального *j — обособленное фонетическое изменение, не связанное с чередованием согласных — по крайней мере, с фонологизацией чередования *s : d’* и *š : d’*, иначе ожидалось бы формы с чередованием *s, š : Ø*. В аккумулятиве этих слов часто реконструируют формы *bikaja-m, *tuju-m, где вследствие выпадения *j появляются *bikaa-m, *tuu-m, а затем, после исчезновения аккумулятивного суффикса, появляются современные формы *bikaa*, *tuu* (Varnai 2002: 50–51).

Следует обратить внимание на небольшую группу слов, реконструированных в SW в виде *CVVj. Не считая глаголов, группа включает семь слов, все они имеют нганасанские рефлексы. Часть этих слов обнаруживает в современном нганасанском неожиданное развитие, как будто сохраняя *j даже в интервокальном положении: речь идет о формах косвенных падежей, иногда и о номинативе. Сохранение интервокального *j в этих словах может объясняться наличием последовательности двух гласных перед *j. Представляется, что стремление избежать формирования последовательности трех гласных и вызывает необычное сохранение ПС *j. Однако такое сохранение обнаружено не во всех словах этого типа в SW, поэтому надо пересматривать некоторые детали реконструкции. Для иллюстрации проблемы перечислим здесь все слов типа *CVVj в SW:

*keəj 'Zunge' > нг КМЖ *сиэде*, Рх.3sg -*мы* 'язык' ~ эн Т EnSl *si?oro* ~ нен Л L56 *sie* ~ *šē* ~ сельк. А 2420 *šē* ~ км дрв. D *šəkə* ~ *šəkə* ~ мт Н97 450 *kEj* (?*kāj* ~ ?*kěj* ~ ?*kij*);

*koəj 'Birke' > КМЖ *күо*, Рх.3sg -*žy* 'берёза', эн Т EnSl *kua* ~ эн Л СБ *ко* 'тж' ~ Т65 *хо* 'тж' ~ нен Л L56 *ko* 'Birke' ~ сельк А 1772 *күиэ* 'тж' ~ км D *күиш* ~ *коиш* 'тж' ~ мт Н97 565 *kua*, *kuga* 'тж';

*roəj 'Jahr' > КМЖ *хүо*, Рх.3sg -*žy* 'год; возраст' ~ эн Т EnSl *pua* ~ *pue*, 'год' ~ эн Л СБ *пэа* 'тж' ~ нен Т Т65 *но* (*ро*) 'тж' ~ нен Л L56 *pō* Lj Nj *pou* 'Jahr' ~ сельк. А 371 *ро* 'тж' ~ км D *р'је* 'тж' ~ мт Н97 252 *hā* 'тж';

*puəj- 'Knie' > дрв. КМЖ *хөагай*, Рх.3sg -*чу* 'колени' ~ эн Т EnSl *puose* 'тж' ~ эн Л СБ *посе* 'тж' ~ нен Т Т65 *пулы* (*puli*) 'анат. колени' ~ не Л L56 Nj *pūrrj* Р *pūllj* 'Knie' ~ сельк. А 701 *pūla* 'тж' ~ мт Н97 315 *hоној* 'Knie, Schienbein';

*tuəj 'Feder, Flügel' > КМЖ *чуо*, Рх.3sg -*žy* 'крыло' ~ эн Т EnSl *tua* ~ *tue* 'тж' ~ эн Л СБ *то* 'тж' ~ нен Т Т65 *то* ~ нен Л L56 *tō* 'Feder (des Vogels); Flugel' ~ сельк. А 940 *tū* 'Feder, Flosse, Baumadel' ~ мт Н97 1070 *tua*, *tuga*, (? *toga*) 'Feder, Flugel';

*tuəj 'Ärmel' > КМЖ *чиуде*, Рх.3sg -*мы* 'рукав (одежды)' ~ эн Т EnSl *tiojo* ~ *t'ejo*, *čejo* (? *t'iejo*) 'рукав' ~ эн Л СБ *чей* 'тж' ~ нен Т Т65 *тю* (*туи*) 'рукав (одежды)' ~ нен Л L56 Р *t'sū* Kis. *tšū* 'Ärmel' ~ сельк А 1129 *tūnaŋ/tunaŋ* 'тж' ~ км D *туш* 'тж';

*woəj 'Insel' > нг *нүай* : Gen.Sg *нүаде*, Рх.3sg -*чу* 'остров' ~ эн Т EnSl *нүе* ~ *нуй* (? *nue*) 'тж' ~ эн Л СБ *нуй* 'тж' ~ нен Т Т65 *но* 'тж' ~ нен Л L56 *ηō* 'Insel' ~ сельк. А 1743 *ко* 'Insel, Hugel' ~ Мт Н97 793 *ō* (? *o*) 'Insel'.

Почти все указанные выше слова обнаруживают иррегулярности развития в одном или двух рефлексах или оказываются дериватами в современных языках, что осложняет изучение их истории.

Сосредоточимся на нганасанских рефлексах, которые можно подразделить на три группы:

1) слова, сохраняющие ПС *j в ауслаутной позиции, а также в падежных формах, где не происходило выпадения *j перед эпентетическим гласным в генитиве и аккузативе, а в современном языке *j отражается в виде *d' ~ j*. Среди реконструкций в SW можно найти только одно слово, входящее в эту группу: *нүай* : Gen.Sg *нүаде* : Gen.Pl 'остров';

2) слова, сохраняющие ПС *j между гласными с основной косвенных падежей, обобщенной в номинативе. Эта группа включает всего два слова из SW: *keəj > нг КМЖ *сиэде* 'язык' и *tuəj > КМЖ *чиуде* 'рукав одежды';

3) Слова, утратившие *j и (почти) все следы его существования в нганасанском. Эта группа содержит слова *koəj > *күо* 'берёза', *roəj > *хүо* 'год, возраст' и *tuəj > *чуо* 'крыло'. Следы *j в словах этой группы не обнаружены даже в форме с посесивным суффиксом третьего лица, где обнаруживается -*žy* вместе ожидаемого -*чу* (см. выше примеры).

Входящее в первую группу слово *һуай* является уникальным по своему склонению среди нганасанских существительных. Нам удалось найти лишь одно слово с похожим, хотя и не идентичным, склонением: КМЖ *хуой* : Gen.Sg *хуоне* : Gen.Pl *хуони*”: 3sg.Px -чу ‘граница, место соединения чего-л.’, образовано от КМЖ *хуо* ‘позади, сзади; потом, после, впоследствии’ < *puə ‘das Hintere’ (SW). Может быть, *хуой* и *һуай* оказались под аналогическим влиянием большой группы слов, основа косвенных падежей которых образуется с -n-, например КМЖ *тала* : Gen.Sg *таланэ* : 3sg.Px -ту ‘счастье, удача’.

Есть основания полагать, что реконструкция ПС *tuəj > нг *чуо* ‘крыло’ основывается на устаревших представлениях об огубленных гласных непервых слогов (см. Salminen 2012) или на сравнении ПС *tuəj с уральским *tulka > фин. *sulka* ‘перо’ (UEW 535). Рефлексы современных самодийских языков поддерживают скорее реконструкцию без ауслатного *j, которую дает Е.А. Хелимский в своей работе над маторским материалом, а именно, *tua (Helinski 1997a: 367). Что касается остальных слов третьей группы — *koəj > *күо* ‘берёза’, *roəj > *хүо* ‘год, возраст’, то здесь ситуация менее очевидная. Если следовать Т. Миколе, то реконструкция с *-j в этих словах поддерживается появлением гласной переднего ряда в нганасанском: *-j мог оказаться вследствие метатезы в интервокальном положении и исчезнуть, оставив в первом слоге *й* вместо ожидаемого *u (Mikola 2004: 77). В таком случае приходится, конечно, считать метатезу уникальным нганасанским изменением уже после распада прасамодийского: ПС *koəj > (?) ранне-нг *kojə > нг *küə*; *roəj > *rojə > *һüə*.

Реконструкции Е. А. Хелимского исходят из иных представлений о развитии указанных слов в нганасанском. Вместо *koəj и *roəj он реконструирует *kua и *rua (Helinski 1997a: 289; 239). Поскольку реконструкции с *j в этих двух словах поддерживаются только нганасанским *й* первого слога, реконструкция Е.А. Хелимского представляется более правдоподобной, нежели предложение о sporadической метатезе в двух словах. Подобным образом, вместо *ruəj- и *woəj Хелимский дает реконструкции без *-j: *roa ~ *rua и *woə ~ *oə (Helinski 1997a: 239, 324). О случае *ruəj-/roa ~ *rua трудно судить, опираясь только на нганасанское слово, потому что оно известно лишь с суффиксальным элементом -ga: КМЖ *хəгай* ‘колени’ (однако долгий гласный тундрового ненецкого *púli*° поддерживает реконструкцию *-j). Что касается *woəj/*woə ~ *oə, то реконструкция Хелимского очевидным образом основывается на том, что в самодийских языках (кроме нганасанского) следов этого слова почти нет (ср. однако эн Т, EnSl *һui*). В таком случае нг *j* надо бы считать суффиксом, как и в слове *хуой* (см. выше).

Е. А. Хелимский не считал слова типа *CVVj невозможными для прасамодийского; его реконструкция для название березы *keəj почти идентична предлагаемой в SW (Helinski 1997a: 271). Кроме того, он предложил отсутствующую в SW реконструкцию *juəj ‘Fischwehr’ (Helinski 1997a: 236). Альтернативу для *tuəj нам

найти не удалось; слово не обнаружено в маторском. Что кажется *juəj, в SW представлен только глагол *juə- ‘огораживать, запрудить’. Существительное *juəj ‘запор (для ловли рыбы)’ кажется образованным от глагола *juə-, что свидетельствует в пользу предположения о суффиксальности нг *j* в склонении *-j* : *-d’ə*. Однако здесь, согласно Хелимскому, ауслатный **-j* восходит к прасамодийскому, как показывает, например, матор. *čuj* ‘Fischwehr’ (Helimski 1997a: 271). В современном нганасанском слово известно также с другими суффиксами: Ng20 *d’uətu* ‘загородка’; КМЖ *дюолир* ‘забор, ограда; преграда’. В материалах Кастрена фигурирует исходная форма *juai* ‘Zaun; Verschanzung, die früher um das Zelt gegen die Juraken stattfand’. Хотя Кастрен, к сожалению, не дает формы генитива или формы с поссессивным суффиксом третьего лица, есть причина полагать, что *juai* принадлежит скорее к первой группе вместе с *nyai*, нежели к второй с *siəde* и *chiide* (иначе у Кастрена фигурировало бы *juaja). Таким образом, хотя было бы необходимо считать склонение *-j* : *-d’ə* специфическим для слов, образованных с суффиксом *-j*, сам этот суффикс не может быть чисто нганасанской инновацией.

Ряд вопросов, касающихся развития слов типа *CVVj в нганасанском и других самодийских языках, не могут быть окончательно решены в рамках настоящей статьи. Множество слов типа *CVVj показывают нерегулярное развитие в одном или двух языках-потомках прасамодийского. Объяснением может служить нестабильность ПС *j и последовательностей гласных или сокращение исходных уральских слов в результате закономерных фонетических изменений, что обусловило потребность добавлять к слову словообразовательные суффиксы или использовать сложные слова вместо одноморфемных слов. Выпадение *j могло бы привести к омонимии, которой носители различных диалектов прасамодийского стремились избежать, что приводило к различным результатам.

Возможно, различие между словами с современным нганасанским колебанием *-j* : *-d’ə* и без него на уровне праязыка еще не существовало, и лишь в (ранне-)нганасанском в части этих слов возникла форма номинатива, обобщенная из формы косвенных падежей, некоторые же другие сохранили оригинальное склонение с эпентетическим гласным. К последней группе может восходить также *koəjə ‘гора, высокий водораздел, (горная) тундра’ (Аникин & Хелимский 2007: 105–06) > Ng20 *kuəd’ə* ‘горный хребет’, которое, согласно той же публикации (Там же), заимствовано из т.-ма. *hōj ‘тундра’. Рамки данной статьи не позволяют расширять обсуждение этимологических возможностей, но можно думать, что слова, принадлежащие к типу *CVVj, вероятно, происходят из различных источников. Необычное развитие в словах с последовательностью «гласный + ауслатный **-j*» началось еще накануне распада самодийского праязыка, поэтому часто наблюдается параллельное развитие и различные суффиксы при одних и тех же основах в двух или трех современных самодийских языках, но не обнаруживаются ясные изоглоссы, отделяющие одну часть самодийских языков от другой.

Что касается нганасанских слов, не имеющих параллелей кроме самодийских, возможно предполагать их субстратное происхождение. Наиболее вероятно, что большая часть прасамодийской лексики, не имеющая соответствий в других уральских или иных известных нам языках, заимствована из исчезнувших языков Средней Сибири, оказавших влияние на прасамодийский в качестве субстратного пласта лексики (Хелимский 2000 [1989]: 23–25). Среди интересующих нас слов на статус субстратного особенно претендует ПС *woǰ ‘остров’, демонстрирующее нерегулярности в развитии не только ауслатного *-j, но и начального согласного. Ср., например, сельк. А 1743 ko ‘Insel, Hugel’, с учетом которого реконструируется анлаутный *w-, хотя формы северных самодийских языков требовали бы *oǰ. Можно предполагать, что это слово было заимствовано уже в отдельные диалекты распадавшегося прасамодийского. Аналогичное развитие можно усмотреть в субстратном пласте саамского лексикона, сложившемся после прасаамского периода и обнаруживающем нерегулярные соответствия между современными саамскими языками (Aikio 2004). По поводу *woǰ стоит добавить, что значение ‘остров’ также характерно для субстратной лексики, отражающей окружающую природу (Salmons 1992).

Остается вопрос о происхождении нг *ходеа* ‘кривой’, известного, видимо, только в нганасанском. С точки зрения современного нганасанского языка исчезновение *d'* привело бы к появлению запрещенной последовательности трех гласных; но чтобы это могло служить объяснением сохранения *-j, добавлению адъективного суффикса к слову должно предшествовать исчезновение *-j. Адъективный суффикс в самом деле восходит к ПС *-jǝ, что позволяет предложить реконструкцию *rǝjǝjǝ, ср. *ǎǎ- ‘правда’ → *ǎǎjǝ ‘правильный, настоящий’ > нг Ng20 *ǎǎǎ* ‘настоящий’ ~ нен Т Т65 *ненэй* (*нуеуеу*) ‘настоящий, подлинный’. Выпадение обоих *j в *rǝjǝjǝ давало бы запрещенную последовательность трех гласных, вследствие чего интервокальный *j в корне нганасанского рефлекса сохранился. Кажется, это не единственное слово, где сохранение прасамодийского *j объясняется адъективным суффиксом; нг КМЖ *хүдюо* ‘морда, рыло; клюв’ отражает параллельное развитие < *rǝjǝ-jǝ (см. SW *rǝjǝ ~ *rǝjǝ ‘Nase’) — ср. также КМЖ *муде* ‘сук, ветка, ветвь дерева’ < *moǝ-jǝ (SW *mo (? *moǝ) ‘Ast’), где *j сохраняется в начале суффикса из-за того, что в корне слова уже есть последовательность двух гласных.

В разделе 4 обсуждается один случай, где слово, содержащее *d'* < ПС *j, необходимо считать заимствованным, исходя из других фонетических и лексических данных. Речь пойдет о нганасанском названии мамонта.

4. Нганасанское название мамонта

У народов Сибири существуют многообразные мифологические представления о мамонте, известном им по останкам исчезнувшего зверя — костям и бивням,

широко распространенным на Севере Евразии (см. Janhunen 2011: 197–201). В языках Евразии тоже фигурируют различные названия мамонта с интересной историей. Русское слово *мамонт* происходит из мансийского словосложения с буквальным значением ‘земляной рог’, как показал Е. А. Хелимский (2000 [1990]: 353–354). Здесь мы сосредоточимся на самодийских названиях мамонта и будем опираться по большей части на указанную статью Ю. Янхунена (Janhunen 2011), но некоторые этимологические детали требуют пересмотра.

Предложенный выше очерк истории прасамодийского интервокального *j необходим для уточнения этимологии нганасанского слова или группы слов, восходящих к ПС *kālājēŋ ‘мамонт/кит’ (*kalay(ə)ŋg (нен Т, ненЛ) ~ *kalVuэ (эн Т, нг) согласно Janhunen 2011: 207). Исходное значение слова могло быть ‘кит’ или ‘мамонт’. Семантическое изменение ‘мамонт’ → ‘кит’ или обратное приемлемо (Janhunen 2011: 207–208). В свете новых данных о нганасанских рефлексах слова предполагается новая реконструкция *kālājēŋ ‘мамонт / кит’, а также более точное описание его истории и развития. Представляется, что это интересное слово существенно для датировки выпадения интервокального *j в нганасанском и древнейших контактов между самодийскими языками.

В ненецких языках рефлекс этого слова имеют значение ‘кит’: нен Т Т65 *халэ’(н)* (*xaleh*) ~ не Л *kaalae(ng)* (Lehtisalo 1956: 165, цит. по Janhunen 2011: 207). Праненецкая форма, реконструируема Ю. Янхуненом в виде *kalay(ə)ŋg (там же), соответствует энецкой: эн Т EnSl *karia* ~ *karii* ‘мамонт’. Проблематичным для общесамодийской реконструкции Ю. Янхунен считает нганасанское слово Ng20 *kalad’э* ‘мамонт’, которое, судя по гласной первого слога, не могло происходить прямо из того же слова, что и ненецкие рефлексy (Janhunen 2011: 203; 207–208). Для энецкой и нганасанской форм Янхунен предлагает реконструкцию *kalVuэ, хотя и замечает, что нганасанскую лексему следует считать заимствованной из праэнецкого (там же, с. 203). Заимствованное происхождение нг *kalad’э* бесспорно, но представляется, что здесь нельзя не отметить также другое нганасанское слово, а именно, КМЖ *колииң* ‘кит, белуха’, более точно соответствующее словам других самодийских языков². Тем не менее, нг *колииң* восходит непосредственно к ПС *kalVjēŋ (*kalējēŋ ~ *kalājēŋ), вследствие чего реконструировать две отдельные праформы нельзя.

Непосредственный этимон нганасанского заимствования определить труднее. Возможным источником надо считать (пра)энецкий, но современные формы эн Т *karia* ~ нг *kalad’э* фонетически настолько далеки друг от друга, что время заимствования вряд ли было очень поздним. Если считать, что название мамонта в нганасанском происходит из праэнецкого, исчезновение ПС *j в нганасанском надо рас-

---

² Т. Салминен, личное сообщение 14.1 2020; в особенности о соответствии нг *kol’iiŋ* ~ нен Т *xaleh*.

ценивать как самостоятельный процесс, не связанный прямо с аналогичным явлением в энецком. Кроме того, есть основания полагать, что развитие в энецком имело место позднее, нежели в нганасанском. Конечно, пример с одним словом нельзя считать достаточным для определения относительной хронологии фонетических изменений. Однако, в нганасанском существует еще третий вариант слова, NgSl *kalaŋu* ‘мамонт (животное)’ (в текстах также *kalaŋə* ~ *kalaŋa*³), который с учетом вокализма тоже выглядит заимствованным. Правда, его отношение к указанным вариантам того же слова не очень ясно. Носовой согласный, очевидно, оказался в инлауте вследствие метатезы, но конечный гласный заднего ряда остается для автора данной статьи загадкой.

Итак, можно предполагать, что нен Т *xaleh* ‘кит’ ~ нен Л *kaalae(ng)* ‘тж’ ~ нг *kol’iij* ‘тж’ ~ эн Т *karia* ‘мамонт’ происходят непосредственно из прасамодийского, кроме того, нганасанский дважды заимствовал то же слово из соседнего языка. Семантика заимствований в сравнении с семантикой исконного рефлекса ещё более явно подчеркивает связь значений ‘мамонт’ и ‘кит’. Следует также ещё раз обратить внимание на сходство *kälājəŋ и ПС *kälä ‘рыба’ (> ср. нг КМЖ *колы* ~ нен Т Т65 *халя (xalya)* ~ эн Т EnSl *kare*), которое отмечено и Ю. Янхуненом (Janhunen 2011: 217). Янхунен не считает сходство этих слов достаточно весомым доказательством происхождения *kälājəŋ от *kälä, потому что современные ненцы не смешивают и не связывают значения ‘кит’ и ‘рыба’. Однако нганасанский рефлекс, т. е. *kol’iij*, согласно КМЖ, имеет не только значение ‘кит, белуха’, но и ‘таймень’⁴. В материалах автора статьи имеется форма *kol’iijilä* ‘большая рыба’, образованная с помощью аугментативного суффикса.

По-видимому, значения ‘кит’ и ‘большая рыба’ могут всё-таки смешиваться, вследствие чего этимологическая связь *kälājəŋ и *kälä кажется более правдоподобной. Разумеется, тогда нам надо предполагать деривацию *kälVjəŋ (вероятно, *kälājəŋ) из *kälä с помощью словообразовательных суффиксов. Окончание слова *-ij* напоминает нганасанский суффикс *-ij*, образующий женские имена от названий родов, а также некоторые имена существительные, характерные для женщин: *D’etn’iij*, *N’ejmiiij*; Ng20 *ŋəðəiijilä* ‘женщина-шаманка’ (с аугментативным суффиксом); Ng20 *n’aad’ij* ‘нганасанка’⁵ ~ нен Т Т65 *Värəi’* ‘женщина из рода *Vära*’; *Пясыды* ‘женщина из рода *Пяся*’ ~ эн Т *Bago* → *Bagoi’*, *Lodosede* → *Lodosedei’*; *somatu*

³ В. Ю. Гусев, личное сообщение 9.4.2021.

⁴ В словаре также отмечено значение ‘белуга’, но это ошибка: белуга — вид рыб, распространенный не на территории распространения самодийских языков, а в Черном, Каспийском и Азовском морях.

⁵ И в этом случае последовательность гласных в корне слова может объяснить сохранение *j в **-jəŋ*.

‘энец-сомату’ → *somatu*’ ‘энка-сомату’, *l’uot’a* ‘русский’ → *l’uot’ai*’ ‘русская’ (Хелимский 2000 [1981]: 91). Фонетически представляется вполне возможным, что нг *kol’iiŋ* и его соответствия в самодийских языках восходят к форме *kālājəŋ, образованной от *kālā ‘рыба’ с помощью суффикса названий женщин и женских имен, однако семантика комплекса вызывает некоторое сомнение. Почему древние самодийцы образовали бы название кита или мамонта именно с таким суффиксом? Существовало ли у них поверье о женском мифологическом персонаже, связанном с мамонтом? Подтверждение теории о такой мифологической «женщине-мамонте» требует более детального фольклористического исследования, чем возможно в рамках данной статьи.

5. Заключение

В настоящей статье представлены некоторые соображения по поводу группы слов, восходящих к ПС *kālVjəŋ (*kālājəŋ ~ *kāləjəŋ) ‘кит/мамонт’. Нганасанские дублиеты *kalad’ə* и *kalaŋu* ~ *kalaŋa* ~ *kalaŋə* в сравнении с исходным рефлексом *kol’iiŋ* указывают на древнее заимствование из одного самодийского языка в другой после распада прасамодийской языковой общности. Время и источник заимствования пока не известны, но возможным источником является (ранне)праэнецкая форма, поскольку многие энецкие фонетические особенности в указанных словах не отражаются.

Выпадение ПС *j между гласными (или фонетическое изменение *VjV > *VV*) в нганасанском не осуществилось в полном объеме. Предложенный в настоящей статье анализ нганасанских рефлексов слов типа *CVVj и некоторых отдельных примеров, а именно, нг *ходəə* ‘кривой’ и *n’aad’iŋ* ‘нганасанка’ показывает, что формирование запрещенных последовательностей трех гласных предотвращается сохранением *j* перед сочетанием двух гласных или после него. В этом отношении нганасанский отличается от энецких языков, особенно от тундрового энецкого, где исчезновение некоторых согласных ведет к появлению сочетания краткого и долгого гласного, которые в произношении реализуются как сверхдолгий гласный (равный трем морам, ср. Helimski 2000 [1984]: 42). По-видимому, после изменения *VjV > *VV* (ранне)нганасанский заимствовал из родственных языков отдельные слова, сохраняющие интервокальный *j, среди них *kalad’ə* ‘мамонт’. Таким образом, интервокальный *j может служить доказательством интерференции между нганасанским и другими самодийскими языками в будущих исследованиях.

История самодийских языков была постоянной темой работ Е. А. Хелимского. Его труды освещают как фонетические особенности прасамодийского языка, так и формирование отдельных самодийских народностей, развитие их языков и языковые контакты. Исследование контактов между самодийскими языками после рас-

пада прасамодийского очень важно для определения их отношения к друг другу, но решение многих возникающих в этой связи проблем требует уточнения наших знаний о прасамодийском и о фонетических изменениях, характерных для его языков-потомков. Труды Е.А. Хелимского и его коллег являются опорой для дальнейших исследований истории самодийских языков.

Литература

- Аникин, А. Е., Е. А. Хелимский 2007. *Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи*. Москва: Языки славянской культуры.
- Гусев, В. Ю. 2020. Новые эвенкийско-самодийские этимологии. *Томский журнал ЛИНГ и АНТР* 28(2): 9–17.
- КМЖ = Костеркина, Н. Т., А. Ч. Момде, Т. Ю. Жданова 2001. *Словарь нганасанско-русский и русско-нганасанский*. Под ред. В. Ю. Гусева. Санкт-Петербург: Просвещение.
- СБ = Сорокина, И. П., Д. С. Болина 2001. *Словарь энецко-русский и русско-энецкий*. Санкт-Петербург: Просвещение.
- Т65 = Терещенко, Н. М. 1965. *Ненецко-русский словарь*. Москва: Советская энциклопедия.
- Ханина, О. В. 2019. Практики многоязычия в низовьях Енисея: опыт социолингвистического описания ситуации в прошлом. *Томский ЛИНГ и АНТР* 1(23): 9–28.
- Хелимский, Е. А. 2000 [1981]. Этимологические заметки по энецкой ономастике. В: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 82–91.
- Хелимский, Е. А. 2000 [1989]. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев. В: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 13–25.
- Хелимский, Е. А. 2000 [1990]. *Rossica: Этимологические заметки*. В: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 353–357.
- A = Alatalo, Jarmo 2004. *Sölkupisches Wörterbuch: aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U. T. Sirelius und Jarmo Alatalo*. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Aikio, Ante 2004. An Essay on substrate studies and the origin of Saami. In: Irma Hyvärinen, Petri Kallio & Jarmo Korhonen (eds.): *Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen: Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag*. (Mémoires de la Société Néophilologue de Helsinki 63.) Helsinki, 5–34.
- Brykina, Maria, Valentin Gusev, Sándor Szeverényi, Beáta Wagner-Nagy 2018. *Nganasan Spoken Language Corpus (NSLC)*. Version 0.2. Hamburger Zentrum für Sprachkorpora. <http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-C6F2-8>
- Castrén, M. A. 1855. *Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen*. Hrsg. von Anton Schiefner. St. Petersburg: Kaiserliche Akademie der Wissenschaften.
- D = Donner, Kai 1944. *Kamassisches Wörterbuch nebst Sprachproben und Hauptzügen der Grammatik*. Bearbeitet und herausgegeben von A. J. Joki. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae VIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- EnSl = Е. А. Хелимский: Энецкий словарь. Рукопись.

- H97 = Helimski, Eugene 1997a. *Die matorische Sprache. Wörterverzeichnis – Grundzüge der Grammatik – Sprachgeschichte*. Unter Mitarbeit von Beáta Nagy. Szeged: JATE Finnugor Tanszék.
- Helimski, Eugene 1997b. *Nganasan*. In: Daniel Abondolo (ed.): *The Uralic languages*. London– New York: Routledge, 480–515.
- Helimski, Eugene 2000 [1984]. Phonological and morphological properties of quantity in Samoyed. In: *Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи*. Москва: Языки русской культуры, 41–44.
- Helimski, Eugene 2005. The 13th Proto-Samoyedic vowel. In: Beáta Wagner-Nagy (ed.): *Mikola-konferencia 2004*. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék, 27–39.
- Janhunen, Juha 1997. Samoyedic. In: Daniel Abondolo (ред.). *The Uralic languages*. London – New York: Routledge, 457–479.
- Janhunen, Juha 2011: Unicorn, mammoth, whale: mythological and etymological connections of zoonyms in North and East Asia. In: Toshiki Osada & Hitoshi Endo (eds.): *Linguistics, archaeology and the human past*. Kyoto: Reseach Institute for Humanity and Nature, 189–222.
- Khanina, Olesya, Yuri Koryakov, Andrei Shluinsky 2018. Enets in space and time: a case study in linguistic geography. *Finnisch-Ugrische Mitteilungen* 42: 109–135.
- Khanina, Olesya, Miriam Meyerhoff 2018. A case-study in historical sociolinguistics beyond Europe: Reconstructing patterns of multilingualism in a linguistic community in Siberia. *Journal of historical sociolinguistics* 4(2): 221–251. <https://doi.org/10.1515/jhsl-2017-0016>
- Lehtisalo, Toivo 1956. *Juraksamojedisches Wörterbuch*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XIII.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Lehtisalo, Toivo 1959. *lk:n edustuksesta samojedissa. *Virittäjä* 63(1-2B): 217.
- Mikola, Tibor 2004. *Studien zur Geschichte der samojedischen Sprachen*. Aus dem Nachlass hrsg. Beáta Wagner-Nagy. Szeged: SzTE Finnugor Tanszék.
- NgSl = E. A. Хелимский: Нганасанский словарь. Рукопись.
- Salminen, Tapani 1998. *A morphological dictionary of Tundra Nenets*. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVI.) Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Salminen, Tapani 2002. Problems in the taxonomy of the Uralic languages in the light of modern comparative studies. In: *Лингвистический беспредел: Сборник статей к 70-летию А. И. Кузнецовой*. Москва: Изд-во МГУ, 44–55.
- Salminen, Tapani 2012. *Traces of Proto-Samoyed vowel contrasts in Nenets*. In: Tiina Hyytiäinen, Lotta Jalava, Janne Saarikivi (eds.): *Per Urales ad Orientem. Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 339–358.
- Salmons, Joe 1992. Indo-European and substrate languages in the West. *Archivio glottologico italiano* 77: 66–85
- SW = Janhunen, Juha 1977. *Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische Etymologien*. (Castrenia-numin toimitteita 17.) Helsinki.
- UEW = Rédei, Károly 1988–1991. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Budapest: Akadémiai Kiadó.
- Várnai, Zsuzsa 2002. Fonológia. In: Beáta Wagner-Nagy (szerk.): *Chrestomathia Nganasanica*. Szeged – Budapest: SzTE Finnugor Tanszék – MTA Nyelvtudományi Intézet. 33–69.

